

Исторические трансформации

Открытые возможности и императивные ограничения

© Вусатюк О. А.

© Vusatyuk O.

Исторические трансформации. Открытые возможности и императивные ограничения

Historical transformation. Open possibilities and imperative limitations

Аннотация. Рассмотрены некоторые императивные принципы процессуальной реализации базовых (социальных, культурных, этнических) блоков истории, призванные предостеречь от ряда деструктивных социокультурных трансформаций. Автор исходит из того, что конструктивные основания и механизмы исторической трансформации открыты в своих возможностях и не имеют эталонного алгоритма.

Annotation. In the article some imperative principles of procedural realization of basic (social, cultural, ethnic) blocks of history are examined, designed to warn against number of destructive sociocultural transformations. The author proceeds from the fact that the constructive bases and mechanisms of historical transformation are open in their capabilities and do not have a reference algorithm.

Ключевые слова. Конструктивные блоки (составляющие) социокультурной трансформации (структурные основания истории), социальная история, культурная история, этническая история, процессуальные формы реализации истории, «эталонные» векторы социокультурных трансформаций, «принцип неоднозначного исторического соответствия» («принцип исторического несоответствия»).

Key words. Constructive blocks (components) of socio-cultural transformation (the structural grounds of historical life), social history, cultural history, ethnic history, the procedural forms of history implementation, “reference” vectors of sociocultural transformation, “the principle the ambiguous historical conformity” (“the principle of historical inconsistency”).

— Не пей водицы из лужицы, братец Иванушка, козленочком станешь!

Забывтый сказочный императив

Теоретический уровень «однополюсного» мира под эгидой США за три десятилетия упал катастрофически. Метрополия глобального мира держится за заплесневелые мифы про «град сияющий на холме», безвозмездно и с неизменной пользой окормляющий «всех» своими непревзойденными идеями и высоким примером. Компрадорские «верхи» провинциальных филиалов глобального мира рассуждают

о единственно верном «цивилизационном выборе» и счастливым будущем стран и народов, что отказались от своих «неправильной» истории, «ложной» памяти и «отживших» ценностей и теперь благоденствуют «на правильной стороне истории».

Чуть более вменяемая часть компрадорских «элит», согласная с глобальным мейнстримом, но не удовлетворенная текущим разделом власти и собственности, уповает на «хорошую политику», «правильные институты» и обещает лучший путь к той же цели. Глобализированный массовый человек, утративший связь с исторической почвой, легко ведется на «простые решения» сложных проблем и готов поставить на большой исторический скачок во имя собственного процветания. Сложности социокультурной трансформации в глобальных раскладках в расчет не принимаются. Менять предлагается «все» и «сразу» и в «единственно правильном» ритме.

Трансформационные возможности различных социокультурных систем неодинаковы — во многом зависят от стартовых потенциалов и текущего состояния их социальных, культурных и этнических составляющих — и в идеале не должны быть ориентированы на самоликвидацию (как на Украине). Субъекты истории свободны в своем стратегически обозримом выборе, но не могут действовать в отрыве от базовых оснований/цивилизационных систем. Однако могут найтись желающие обойти или заблокировать эти основания и механизмы исторической трансформации. Поэтому периодический возврат к этой теме не должен рассматриваться как кружение в своде банальностей. Если мы, представители восточнославянского мира, не зафиксируем свои позиции, за нас это сделает кто-то чужой — и не факт, что с учетом наших интересов и нашего мнения.

Если раньше, в период модерна и в традиционном обществе, культура препятствовала опасным социальным экспериментам, то в условиях глобализации она блокирована, ущемлена и ограничена в возможностях. В глобальном мире историей «правят» те, для кого она «закончилась», кто не имеет представления о структуре и механизмах социокультурной трансформации и не принимает альтернативных подходов. Но если сбилось историческое мировосприятие, его надо подправить. Надо укреплять теоретический потенциал исследования истории; а для тех, кто не желает с ним считаться, практиковать прямые императивные ограничения, уповая на мораль и здравый рас-судок.

Продвижение к цели предполагает решение ряда задач: уточнение базовых оснований исторической трансформации, конструктивных элементов исторической жизни; уяснение ключевых векторов их трансформации, образующих подвижное целое истории; обозначение упреждающих принципов (точнее — одного из них) социокультурных трансформаций, указывающих на опасность реализации ряда из них и дающих императивную (повелительную) установку на их ограничение.

Бытийные основания и конструктивные блоки истории

История как целое выстраивается во взаимодействии ее устойчивых и неизменных бытийных оснований, чьи конкретные (ситуативные) сочетания и трансформационные векторы так или иначе меняются. При всех вариантах рассмотрения исторического целого и его бесчисленных разноуровневых локальных проявлений речь идет о взаимодействии одних и тех же бытийных оснований (социальных, этнических, культурных), обладающих разными показателями и реализующихся в неодинаковых условиях. Ведущим фактором, обуславливающим и воспроизводство локальных исторических форм, и нарушение «идеального» порядка их развертывания, выступает культура. В плане динамическом история — это мир культуры, живущей идеей и символом изменения. Идея предстает и фактором, и продуктом истории.

В теоретическую модель истории должны быть встроены основания изначально недуховные (природная среда) или преимущественно недуховные (этнические формы, биосоциальные по характеру). Таковы глобальные и природные катастрофы, масштабные стихийные бедствия, массовые эпидемии и т. п., уничтожившие, к примеру, минойскую цивилизацию на Крите или цивилизацию индейцев пуэбло в Америке. Важную роль играют процессы этнические, связанные с растратой энергетического потенциала той или иной этнической общности. Такова отмеченная Л. Н. Гумилевым «преждевременная» растрата энергетического потенциала монголами XIII—XIV вв., когда за 130 лет сменилось целых восемь поколений [8. С. 398—399].

Основными конструктивными блоками, образующими (представляющими и моделирующими) целое истории, выступают социальная, этническая и культурная истории. *Социальная история* представляет собой наиболее зримое, «внешнее» (социально-политическую, социально-экономическую и духовную составляющие) течение известного событийного ряда, что обычно фиксируется в виде так называемых государственных или национальных историй. *Этническая история* указывает на те же самые социальные явления и процессы, но уже взятые на уровне их природных, преимущественно биологических и географических, связей и оснований. *Культурная история* несет в себе идеальные (и наименее зримые) начала и механизмы развертывания социальных и этнических явлений и процессов и обуславливает устойчивое воспроизводство (или перерыв и пресечение) все того же событийного ряда.

Каждый конструктивный блок является «вечным и неизменным» в плане своих функций в рамках исторического целого — и в то же время конечным («невечным»), дискретным и неустойчивым применительно к тому или иному носителю (историческому ряду).

Присмотримся внимательней к «диахронной шкале» Л. Гумилева, фиксирующей фазы этногенеза (от VIII в. до н. э. и до XX в. н. э.) на

суперэтническом уровне для Рима, Эллады, Турана, Византии, славянства и Руси, «мира ислама», Китая и «христианского мира» [9. С. 379]. На уровне IV столетия н. э. мы видим цивилизации, которые формально являются современниками и испытывают влияние сходных условий. Они, однако, обладают важными отличиями: находятся в разных фазах развития (их прошлое имеет разную глубину и основательность, их настоящее неоднозначно), не похожи друг на друга, даже если начали свой путь приблизительно в одно время (например, Византия, готы, славяне). Их перспективы неясны, ибо перед нами не биологические организмы, а системы биосоциальные. И еще вопрос: что именно (пассионарный потенциал, центральные зоны культуры, культурные периферии, все они вместе или нечто неучтенное) диктует более чем свободную смену и смешение этапов этно- и социогенеза?

Поэтому математический *принцип взаимно однозначного соответствия* («такое соответствие между элементами двух множеств, при котором каждому элементу первого множества соответствует один определенный элемент второго множества, а каждому элементу второго множества — один определенный элемент первого множества» [3. С. 219]), обнаруживаемый в установках на «улучшение» и «исправление» истории, не может быть применен к анализу трансформационных процессов.

Взаимное соответствие этнического, культурного и социального «блоков» можно обнаружить, наверное, лишь на ранних этапах становления древнеегипетской (Древнее царство, значительная часть периода Среднего царства) и месопотамской (Шумер и Аккад) цивилизаций. Речь идет об этапе их развития, на котором они еще не вышли за локальные рамки, по всей видимости, не имели предшественников и были избавлены от устойчивого воздействия со стороны соседей, пребывавших в состоянии доисторическом.

Даже для обособленных древнекитайских протогосударств Шан/Инь и Западная Чжоу зафиксированы, во-первых, не совсем понятные, «темные» связи между индоевропейскими и древнекитайскими языками (вероятно, при посредничестве индоевропейцев-тохаров); а во-вторых, возможность для переноса социальных и технических достижений Ближнего Востока, которые могли заложить основы цивилизации с письменностью, металлургией и т. п. [2. С. 210—214].

Древние славяне на момент их включения во всемирную историю (в IV—V вв.) обладали раннегосударственными формами и активно контактировали с Византией, находившейся в акматической фазе, а позднее (в VIII—X вв.) — вошли в сферу влияния ее культуры. Формирование государственных институтов пришлось у славян на фазы этнического подъема и «перегрева», а заимствование веры — на период надлома и инерционную фазу. Тогда как византийцы обладали государственной организацией и христианской культурой от самых истоков и начинали свой путь не с равновесия с природной средой («гомеостаз»), как у славян, а из состояния подъема.

Напротив, социальный блок приходит к славянам ближе к «середине» пути, а культурный (христианство) — на «завершающей» стадии общеславянского единства. К середине XV в. от Византии остался лишь культурный «блок» (православие), «истончившийся» вследствие Флорентийской церковной унии 1428 г., а для восточных славян в XIV—XVI вв. начался новый цивилизационный «виток», на котором православием и государственно-социальной организацией они обладали изначально.

О «взаимном однозначном соответствии» исторических «блоков» не может идти речи, если просматриваются исторические предшественники («готовые» социальные, этнические и культурные формы) и имеются параллельные социокультурные «линии» и «циклы», явно отсутствующие в более «ранних» периодах истории. История демонстрирует не только законченные, состоявшиеся или реализовавшиеся процессы, — в ней есть много оборванных, провальных, разорванных, несостоявшихся линий.

Безотносительно того, сменяют ли те или иные социальные этапы друг друга линейно или нелинейно, ход *социальной истории* в целом и ее политических, экономических и духовных сфер в частности может быть рассмотрен применительно к ряду усредненных состояний. А именно: устойчиво («вертикально») развивающийся социум; развитый социум, лишенный внешних проявлений упадка и нестабильности; социум в структурном кризисе; слабо развитый, застойный, стагнационный, деградирующий социум; умирающий, распадающийся социум.

Продолжительность существования отдельных социальных систем и линий может достигать десятков и сотен лет, а смена их состояний — осуществляться путем долгосрочных изменений и вследствие перерыва постепенности и внезапных резких (революционных) перемен. «Возврат» к сходным (инвариантным) формам социального устройства наблюдается практически повсеместно, у всех народов и во все эпохи, и может осуществляться в любой «точке» текущей истории.

История этническая проходит в своем развитии следующие стадии: период зарождения и раннего становления; подъем и бурный рост; кризисная («акматическая») активность; медленное («негативное» или «позитивное») угасание; деградация или депопуляция; гомеостаз и/или мемориальное «стояние».

Согласно Л. Гумилеву, «весь цикл этногенеза занимает от момента оформления этносоциальной системы до превращения этноса в реликт около 1200 лет... при отсутствии внешнего смещения, которое может нарушить процесс этногенеза в любой фазе». При этом внутренние фазы развития сменяются более плавно, ибо этнические системы сильнее других исторических составляющих пронизаны началом природным (биосоциальным). Практически любая фаза этногенеза может завершиться прямым переходом в конечное состояние деградации или

депопуляции [10. С. 416, 258–259, 407–418, 444–538]. Так, вестготы, контролировавшие Северную и Центральную Италию, имели все шансы для развития — но пали под ударами византийцев и растворились среди менее успешных «варварских» народов. Египетские копты-христиане, потомки древних египтян, утвердились в гомеостазе еще при Римской империи, но не утратили своих особенностей и способны существовать так и далее.

Культурная история может быть привязана к следующим условным состояниям: зарождение культуры (рождение и первые шаги); интенсивное развитие (устойчивое раскрытие внутреннего содержания культуры); экстенсивный рост (успешное распространение эталонных форм культуры вовне); угасание, стагнация, постепенная деградация и вырождение; мертвое стояние (культура застывших «музейных» форм) и/или доминирование антикультурных форм («массовая культура»).

Культурные системы и «линии» в целом уникальны и неповторимы. В то же время они потенциально инвариантны и ориентированы «в вечность», поскольку могут столетиями, даже тысячелетиями скрыто удерживаться в предельно сжатом, концентрированном виде. Они способны возрождаться в видоизмененных формах далеко за пределами породивших их эпох, социумов, этносов и цивилизационных блоков. Так, язычество, веками прозябавшее на задворках многих культур, испытало в конце XX в. явный «ренессанс».

Основное внимание следует уделить корреляции процессуального хода конструктивных блоков различных исторических макросистем, — чтобы выйти на реальные «отклонения» от заданных (базовых) «стандартов» и «норм». В рамках конкретного исторического ряда могут сойтись не просто «разновозрастные», но и разнонаправленные системные блоки — с разной социокультурной доминантой и основательностью (имеющие свою временную протяженность, уникальный исторический опыт и повторенные в разном числе поколений или регионов), находящиеся на разных стадиях развертывания (в начале, в середине или в конце своего пути), обладающие разной этнической «комплиментарностью», и т. д.

Так, времена поздней Римской империи связаны с деятельностью достаточно древнего этноса, не так давно утвердившейся государственной религии (христианства) и еще не ставшей «центральной зоной» культуры, окруженной массой разноплеменных («языческих») верований. Реальной опорой империи был социальный блок (госаппарат, армия, система права), прочие составляющие пребывали в упадке или были недостаточно развиты. Представители системообразующего этноса (латины) в условиях перманентной внутренней и внешней нестабильности не проявляли особой тяги даже к простому воспроизводству — их численность стремительно падала. Понятие «*Populus Romanus Quiritium*» (римский народ) охватывало (после эдикта императора Каракаллы, который распространил в 212 г. н. э. римское пра-

во на провинциалов) уже не только на полноправных граждан собственно Рима, но и на все свободное население империи, в той или иной степени латинизированное, но далекое от исходных идеалов и ценностей, создавших *Pax Romana* (Римский мир) [15. С. 660—707; 17. С. 94—97]. Величественная эллинистическая культура угасала и обслуживала в основном интеллектуалов, она не могла выступать в роли государственной религии, зато могла вливать энергию в римский лимес, удерживавший и одновременно притягивавший еще не осознавших свою силу «варваров».

В период Великого переселения народов можно обнаружить те социальные ряды, чьи политические, экономические и духовные институты были воспроизведены на протяжении многих поколений (таковы *Pax Romana* и мир «варваров» в целом), этнических носителей социального ряда. Одним державные институты достались по праву завоевания (остготы Теодориха Великого, правившего в 473—526 гг.), другие были привлечены извне (римские союзники-федераты). Третьи же в силу своего недолгого присутствия в пространстве эпохи (вандалы и гунны) так и не восприняли как ценность эти институты, а также древнюю и во многом исчерпавшую себя культуру, способную к механическому усвоению и потреблению внешних заимствований, но утратившую интерес и способность к структурным изменениям. Таковы эллинистически-римская культура и культуры варварских этнических групп [19. С. 9—39, 195—210].

Ключевые векторы исторических трансформаций

Отказ от установки на однозначное историческое соответствие не позволяет говорить об «эталонных линиях социокультурной трансформации», если трансформирующаяся (трансформируемая извне) система состоялась ранее и у нее есть предшественники и/или действуют параллельные исторические «линии» и «циклы».

Для историков давно является общим местом признание того, что современный западноевропейский мир складывался в течение ряда веков на пересечении трех основных начал, сложившихся в различных цивилизационных системах: христианских верований (культура), римских институций (социум) и «варварских» народов (этнос). В качестве активного субстрата (фундамента, исходного основания, вместилища и проводника) здесь выступил этнический «блок», на долю культуры пришлось функция системо- и формообразующая, тогда как социальные институты (органы власти, учреждения, правовые нормы и наставления) избирательно заимствовались, т. е. играли роль подчиненную, пассивную.

С течением времени все эти начала совместились в рамках формально единого западноевропейского «христианского мира». На практике соответствия очень долго не было, ибо для разных составляющих процесс шел с разной скоростью.

Так, французское Средневековье знало три вида права: каноническое (церковное), римское, обычное (широко применялось и было записано в XIII в.). Современные французские ученые полагают, что именно «масштабное юридическое возрождение» XII в. «вновь ввело в обиход понятие государства и суверенной власти». Это было продиктовано необходимостью закрепления достижений длительного процесса демографической и экономической экспансии (бурный рост населения, возрождение городов, формирование постоянных рынков), укреплением феодальных форм собственности, совершенствованием институтов королевской власти, а также культурным подъемом, «поставившим весь Запад в кильватер французской культуры» [13. С. 152—164, 169—170, 563, 567]. К тому же в специфических условиях Франции XIV в., связанных с затяжным династическим кризисом, был применен древний (франкский) «салический закон», закрывший путь к престолу наследникам Филиппа IV и его сыновей по женской линии, а также английскому королю Эдуарду III, его внуку. Подключение к современной (на тот момент) системе ранее «отстававших» элементов социального блока дает возможность отметить протяженность периода, в течение которого римское и салическое право были «забыты» и не применялись (свыше шестисот лет в обоих случаях), и говорить о скрытых способах их передачи во времени.

Модернизационный «рывок» России XVIII—XIX вв. был инициирован государством в лице Петра I и его наследников и шел по пути заимствования готовых технологических форм и даже целых идейных комплексов. Народный субстрат — вполне исторический, хотя и сохранивший, в отличие от западноевропейских «современников», сильную связь с доисторическими началами, — разворачивался к новой жизни с натугой и играл в официальной истории роль скорее пассивную. Традиционное культурное начало (православие), включенное в новую, имперскую, систему, было заторможено длительным церковным расколом.

Среди «отставших» — блок этносоциальный (представленный в основном «черным» людом) и отдельные (преимущественно старообрядческие) формы блока культурного. Блок социально-государственный был не «современным», а скорее «сверхсовременным» — он не отвечал внутренним этапам роста, жил в ритме догоняющего развития, тяготел к «историческому забеганию» и «теневым» практикам. Эти особенности обусловили формы грядущего выхода «из тени»: если в Западной Европе элементы права были привнесены (возвращены) в историческую систему «сверху» — государством и церковью, то в России 1917-го архаический народный элемент, насильственно вытесненный на обочину истории, вернулся в нее сам [6. С. 137—152].

Трансформации надо отличать от близких к ним по форме цивилизационных дрейфов [5. С. 185—199; 7. С. 30—35], под которыми следует понимать искусственно спровоцированные обвальные отклонения (вплоть до полного отказа) от базовых достижений, ценностей и идеалов, имеющих в распоряжении тех или иных социумов, этносов и культур

и являющихся опорными основаниями данной цивилизационной системы. Дрейфующие системы лишены активного (субъектного) начала и сориентированы на демонстративное заимствование инородных ценностей и идеалов, не будучи способными к их усвоению. Цивилизационные дрейфы выступают деформированной формой макроисторических трансформаций, ибо не способны к избирательному восприятию чужих ценностей, строятся на негативных социокультурных установках и представляют собой попытку радикального выравнивания истории.

К числу удачных трансформаций средневековой истории можно отнести христианизацию Западной, Центральной и Северной Европы в послеримский период [11. С. 71–77, 107; 20. С. 5, 23, 27–39; 13. С. 103–104, 113–116, 142–145; 22. С. 13–14]. Как отмечает австрийский историк К. Воцелка, «христианская религия, и без того впитавшая в себя различные дохристианские представления, оставалась лишь тонким поверхностным слоем, под которым продолжали сохраняться многие из прежних верований. Об этом свидетельствуют многочисленные формы народного благочестия, продержавшиеся вплоть до XX столетия, а также различные “суеверия”» [4. С. 46–47].

Переход древних славян в православие, как и христианизацию древних германцев, приобщение персов к исламу или древних японцев к буддизму не следует понимать как переход к цивилизационному дрейфу (хотя процесс все же затронул ряд регионов бывшего Персидского царства) [18. С. 311–322]. Во всех этих случаях имела место социокультурная трансформация, затронувшая достаточно слабо развитые народы, растянутая во времени и потому успешная. Зато неоднократные попытки окатоличивания той или иной части уже сложившегося славяно-православного мира следует понимать как стремление направить его по пути цивилизационного дрейфа.

К успешным для инициаторов и далеко не столь удачным для объекта воздействия следует отнести цивилизационный дрейф XIV–XVII вв. Великого княжества Литовского. Переход в католичество, сделав Литву частью западноевропейского «христианского мира», избавил ее от статуса великой региональной державы, лишил возможности быть центром собирания восточнославянской цивилизации (эта задача была успешно решена Великим княжеством Московским) и превратил в дальнюю периферию западноевропейской цивилизации. Успешной трансформацией стала христианизация Византии, имевшей в своем основании скорее «восточное», чем европейское начало и сумевшей стать самобытной цивилизацией [25. С. 151–152, 201–218, 287–320].

Социокультурные трансформации периода модернизации не проходили столь гладко и вызывали мощный отпор. В целом успешными следует полагать петровские реформы, «великие реформы» Александра II и в какой-то мере реформы П. А. Столыпина, выступившие, по сути, второй волной «великих реформ», хотя каждый из этих случаев давал мощный импульс развитию попятных процессов. Япония периода Мэйдзи,

чья элиты остались верны ценностям и идеалам своей культуры, сумела успешно заблокировать начавшийся было цивилизационный дрейф, осуществив в сжатые сроки успешную трансформацию [16. С. 179—221; 26. С. 51—77]. Обладавшие высокоразвитыми, устойчивыми и оригинальными культурами Китай и Индия нашли силы избежать перехода к дрейфующим формам, хотя в силу своего полу- или колониального статуса подключились к модернистской трансформации позже иных цивилизационных систем [13. С. 605—625; 15. С. 543—561, 576—604].

Латинская Америка — как геополитический регион и мировая цивилизация — соединила в себе макроисторическую (модернистскую) трансформацию и локализованный цивилизационный дрейф (для ацтеков и инков, создавших высокоразвитые «империи»), сумев сохранить яркое цивилизационное своеобразие. Напротив, для коренного населения Северной Америки не было ни модернизации, ни попыток включения в цивилизационный дрейф, а были резервации, маргинализация и физическое уничтожение. Индейцев рассматривали как агрессивную часть природной среды и лишь передвигали разделительную линию фронта.

Компромиссные (типа индийского) и капитулянтские варианты решения проблемы (например, североамериканских индейцев-чирокков первой половины XIX в., которые под влиянием иезуитов добились впечатляющих успехов в экономическом и культурном плане, но отказались от вооруженного сопротивления колонизаторам-протестантам) были отвергнуты самими проводниками цивилизационного «упорядочения», требовавшими изгнания индейцев. Шедших на уступки уничтожали быстрее тех, кто отчаянно сопротивлялся [23. С. 330—333].

«Новый мировой порядок» под эгидой США утверждался глобально и, по замыслу его организаторов, должен был подчинять себе все мировые цивилизации [28; 29; 31]. По мнению провозвестника «конца истории» Ф. Фукуямы, «часто упоминаемый при рассуждениях о соотношении темпов (экономического. — О. В.) роста фактор культуры... не представляется... значимым», поэтому «исследователям следует разработать такую теорию культурной эволюции, в которой культура должна предстать не независимой, а обусловленной переменной». Хотя «имеет право на существование и более умеренный вариант культурной переменной, его обычно называют “политической культурой”» [27. С. 428]. Для неоконсерватора Р. Кагана нивелирование культурного начала — базовый принцип, а упадок Америки «будет означать другой мир для всех», ведь «сохранение нынешнего мирового порядка требует постоянного американского лидерства и постоянной американской вовлеченности» [30].

Поэтому, когда Б. Обама призывал все страны «присоединиться» к США «на правильной стороне истории» [1], то, к примеру, П. Порошенко заявлял, что Украина выбирает не «между различными видами цивилизаций», а «между цивилизацией и варварством» [21]. Хватившая

через край из вожделенного «евроводоема» постмайданная Украина ухнула в водоворот структурных перемен, сумев в кратчайшие сроки сокрушить все свои конструктивные составляющие. Она не стала Европой, зато перешла под внешнее управление и уже уничтожила основные отрасли экономики, обрушила социальную и развалила политическую сферы, обеспечила массовый исход населения и добилась ускоренного его вымирания, устроила тотальный погром культуры и переформатировала историческую память.

«Эталонные» образцы демократии были явлены в условиях относительно мирных, сегодня приоритет отдан силовому решению цивилизационной проблемы. Путь к самобытному модернизационному развитию за «эталонными» рамками западного мира предполагает признание объективного характера базовых оснований цивилизационных систем. Сингапурский ученый К. Мабубани отметил, что вместо триумфа Запада 1990-е гг. «стали периодом, когда в мировой истории закончилось западное господство (но не сам Запад), и на сцену вернулась Азия». Успех ряда азиатских стран обусловлен тем, что они «осознали, приняли и провели в жизнь семь столпов западной мудрости, а именно — рыночную экономику, науку и технологию, меритократию, прагматизм, культуру мира, диктатуру закона и образование», исключив из этого перечня «западный политический либерализм». В результате «уважение к западным идеям останется, но уважение к западному применению этих идей уменьшится» [32].

Трансформация оборачивается цивилизационным дрейфом, когда модернизация объявляется для одних («мировой периферии») неосуществимой, а для других («мирового гегемона») — более ненужной. В постмодернистском мире любые структурные трансформации по западному образцу чреватые не подъемом и улучшением, но резким падением и ухудшением.

Трансформации могли быть успешными, когда модернизация считалась общим достоянием и общим будущим всего человечества. Трансформация оборачивается цивилизационным дрейфом, когда модернизация объявляется для одних («мировой периферии») неосуществимой, а для других («мирового гегемона») — более ненужной. В постмодернистском мире любые структурные трансформации по западному образцу чреватые не подъемом и улучшением, но резким падением и ухудшением.

О принципе неоднозначного исторического соответствия

Невозможность, несостоятельность, опасность прямой (однозначной и предельно сжатой во времени) социокультурной трансформации очевидна и является важным фактором всемирной истории. Особенность (правило, императив, основоначало) взаимодействия, соотношения и/или изменения пересекающихся социокультурных (цивилизационных) систем может быть обозначена как «*принцип неоднозначного исторического соответствия*», или иначе — «принцип исторического несоответствия».

Это базисное положение, фиксирующее отсутствие однозначного соответствия рядоположенных или разделенных во времени социальных, этнических и культурных блоков и элементов истории, указывающее на то, что их этапы и «стадии роста» могут чередоваться в любом порядке. Данный принцип утверждает теоретическую и мировоззренческую позицию, призванную предостеречь от опасных социокультурных трансформаций, сделать их менее вероятными и/или невозможными.

Повторение предшествующего пути развития — якобы ввиду его успешности и безальтернативности — одной социокультурной (цивилизационной) системы в рамках другой невозможно, неэффективно и опасно. Нельзя в одночасье выйти за рамки исходной социокультурной системы — как и без утрат перейти в другую, сделав ее достижения, исторический опыт и ценности «своими».

Социокультурная трансформация, ущемляющая конструктивные основания незападных цивилизационных систем в пользу доминирующего (глобального) цивилизационного «центра», не несет позитивной исторической перспективы. Она оборачивается цивилизационным дрейфом и/или ведет в архаику, варварство и дикость.

Полноценное включение в иную социокультурную или цивилизационную систему невозможно уже в силу неполной совместимости их исходных конструктивных составляющих. Успешный переход (обмен и взаимодействие) возможен лишь на уровне отдельных личностей, узких профессиональных групп и идейных течений, путем заимствования некоторых идей, верований, новшеств или институтов. Основная масса социальных групп способна перейти лишь в состояние беспросветного межкультурного и межцивилизационного стояния и/или цивилизационного дрейфа.

Обвальное снижение уровня исторической культуры, тотальное ее уничтожение и/или утрата значительной ее части позволяют обойти или (на какое-то время) блокировать преграду социокультурных оснований, ранее казавшуюся непреодолимой.

Изъятие, деконструкция или длительное блокирование культурной составляющей исторической системы, поддерживаемое мощным внеш-

ним ресурсом, позволяет реализовать (продать) *любой* вектор перемен, но не обеспечивает успешной его реализации.

Сжатый во времени переход (на дальнюю периферию доминирующей системы) возможен либо с примитивного (домодерного) уровня, который ныне можно найти лишь в «диких» регионах Африки, Азии и Латинской Америки, либо в забытых Богом зонах межцивилизационного разлома, типа «западноукраинской» Галычины и «городских джунглях» ряда мировых мегаполисов.

Пример Украины показывает, что в истории случаются даже трансформации, которые предполагают многократный отбор одних лишь наилучших вариантов перемен и представляют собой полную и последовательную деградацию.

* * *

1. Взаимодействие базовых конструктивных блоков истории создает всякий раз уникальные картины исторических форм, состояний и трансформаций, никогда целиком не схожие с предыдущими и/или рядоположенными. Их внутренние этапы и «стадии роста» могут чередоваться в любом порядке.

2. История не обещает открытия «эталонных» («стандартных» или «образцовых») векторов реализации трансформационных процессов, хотя и знакома с претендентами на эту роль. В рамках всемирной истории в целом и любой отдельной эпохи, в частности, взаимодействуют цивилизационные системы, между которыми нет однозначного соответствия, даже если часть из их конструктивных составляющих является современниками и имеет в своем составе идентичные социокультурные формы.

3. История открыта любым трансформациям. Реализация ряда из них опасна и по возможности должна быть императивно ограничена.

4. Опора на принцип неоднозначного исторического соответствия дает дополнительный аргумент в пользу самобытного развития и позволяет говорить об эпохальных доминантах (культурных, социальных, этнических), которые способны отстаивать право на собственный путь развития или «отстали», не втянулись в трансформационный процесс, (пока) не востребованы, пребывают на исторической обочине, находятся в тени лидирующих социокультурных форм или же вошли в зону риска, втянулись в цивилизационный дрейф и «зависли» в зонах межцивилизационного разлома.

Литература

1. Барак Обама призвал весь мир объединиться против России // Телекомпания НТВ. 27.09.2014. — <http://www.ntv.ru/novosti/1222656/> (дата обращения: 10.12.2017).

2. **Васильев Л. С.** Древний Китай. М. : Восточная литература, 1995. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.).

3. Взаимно однозначное соответствие // Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (предс.). М. : Советская энциклопедия, 1981.
4. **Воцелка К.** История Австрии. Культура, общество, политика. М. : Весь мир, 2007.
5. **Вусатюк О. А.** Мифологема «цивилизационного выбора» и ее роль в размывании современной восточнославянской идентичности // Восточнославянская цивилизация: история и современность : сб. материалов международной научно-общественной конференции (Киев, 22–23 ноября 2012 г.) / отв. ред. П. П. Толочко. Киев ; Минск ; М. : Русское слово, 2013.
6. **Вусатюк О. А.** Теневые потоки российской истории XVII — начала XXI века // Свободная Мысль. 2017. № 2.
7. **Вусатюк О. А.** Цивилизационные дрейфы и цивилизационная безопасность восточноевропейского мира // Экономические стратегии. 2005. № 5–6.
8. **Гумилев Л. Н.** Древняя Русь и Великая Степь. М. : Мысль, 1993.
9. **Гумилев Л. Н.** Конец и вновь начало / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М. : Институт ДИ-ДИК, 1997.
10. **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М. : Институт ДИ-ДИК, 1997.
11. История Великобритании / кол. авт. под ред. К. О. Моргана. М. : Весь мир, 2008.
12. История Китая / В. В. Адамчик, М. В. Адамчик, А. Н. Бадан и др. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2007.
13. История Франции / под общ. ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена в соавторств. с Э. Карпантье и др. ; предисл. Ж. Ле Гоффа. СПб. : Евразия, 2008.
14. **Кей Д.** История Индии. М. : АСТ : Астрель, 2011.
15. **Ковалев С. И.** История Рима / под общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. Изд. новое, испр. и доп. СПб. : Полигон, 2003.
16. **Крофтс А., Бьюкенен П.** История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия. М. : Центрполиграф, 2013.
17. **Лосев А. Ф.** Эллинистически-римская эстетика I—II вв. н. э. М. : Изд-во Московского университета, 1979.
18. **Мюллер А.** История ислама : От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. М. : Астрель : АСТ, 2004.
19. **Мюссе Л.** Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб. : Евразия, 2006.
20. **Палудан Х. и др.** История Дании / под. ред. С. Буска, Х. Поульсена. М. : Весь мир, 2007.
21. Порошенко о войне с Россией: Это выбор — между цивилизацией и варварством // Украинская правда. 2014. 18.09. — <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/09/18/7038226/> (дата обращения: 10.12.2017).
22. **Сарайва Ж. Э.** История Португалии. М. : Весь мир, 2007.
23. **Стингл М.** Индейцы без томагавков. Изд. 3-е, доп. М. : Прогресс, 1984.
24. **Уинтл Дж.** История ислама. М. : Астрель : АСТ, 2009.
25. **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. М. : Астрель : АСТ, 2001. Т. 1 : Период I (до 527). Период II (518—610). Иконоборческий период (717—867).
26. **Фредерик Л.** Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи. М. : Молодая гвардия, 2007.
27. **Фукуяма Ф.** Отставание. М. : Астрель, 2012.
28. **Greenway H. D. S.** America in the world: A nation's narcissism // The International Herald Tribune. 2004. 02.02. — <http://journalism.berkeley.edu/projects/euromedia/archives/001896.html> (дата обращения: 10.12.2017).

29. **Johnson Ch.** Bases for an Empire // Los Angeles Times. 2004. 18.01. — <http://articles.latimes.com/2004/jan/18/opinion/op-johnson18> (дата обращения: 10.12.2017).

30. **Kagan R.** Not Fade Away. The myth of American decline // The New Republic. 2012. 11.01. — <http://www.tnr.com/article/politics/magazine/99521/america-world-power-declinism?page=0,0> (дата обращения: 10.12.2017).

31. **Madrick J.** Economic Scene : America is paying a significant price for favoring unilateralism over international cooperation. Is the price too high? // The New York Times. 2003. 25.12. — <http://www.nytimes.com/2003/12/25/business/25scene.html?pagewanted=all&position=> (дата обращения: 10.12.2017).

32. **Mahbubani K.** End of Whose History? // The New York Times. 2009. 11.09. — http://www.nytimes.com/2009/11/12/opinion/12iht-edmahbubani.html?_r=3 (дата обращения: 10.12.2017). ◆